

- Вам дается тридцать минут, не более. Андрон Сергеевич очень занят.

- Простите, но полчаса это слишком мало. Толком не успеешь ни о чем расспросить.

- Нет, нет, полчаса. И ни минуты больше.

Категоричность и безапелляционность тона литагентши Юлии не допускала возражений.

Ну да ладно. Тридцать минут - так тридцать... Управляюсь. Прохожу в ком-

воспитания не может не быть. Дети и родители всегда связаны, тем более если они живут вместе. Воспитание было очень русское. В том смысле, что нас наказывали, но нас и любили. Так что это было хорошее традиционное русское воспитание. Я бы еще добавил, интеллигентное, староукладное.

- Стихи отца вы, конечно, знали?

- Я не мог их не знать. Они звучали повсюду, их проходили в школе. Я читал их перед домашними гостями.

- Да, с той поры утекла не одна эпоха. Не только по возрасту, но и по

- Да как же можно было с ним встретиться мне, мальчишке, если отец, автор Гимна Советского Союза, написанного под руководством вождя народов, встречался с ним не более десяти раз? Встретиться со Сталиным для нас было все равно, что встретиться с Богом. Да, Сталин жаловал отца, но отец не очень жаловал Сталина. Не стремился быть к нему вхожим, не навязывался в друзья. Он часто говорил: "Кого жалуют цари, того не жалуют псы". Отец был мудрым человеком.

- А позже, уже в творческой жизни, вы повстречали своего Бога?

- Если вы имеете в виду человека искусства, то да, повстречал. И не

гической фигурой его сделали привходящие обстоятельства, а не художественные поиски.

Андрей Кончаловский говорил медленно, негромко, не повышая голоса, и мне приходилось приближаться к нему вплотную, чтобы расслышать ответы. Он размышлял как бы нехотя, временами скороговоркой, и мне казалось, что ни в голосе, ни в суждениях мэтра не было огня, вдохновения, он словно выполнял какую-то повинность или, что хуже, чей-то замысел. Я старался его растереть, зажечь, но чувствовал, что опущенное мне время предательски течет сквозь пальцы, как песок в аптечных часах. Я нервничал, кривил щеку, не мог удовлетворенно расслабиться. Вопросы, какой из них задать раньше, скорее?

Грозный, посылая куда-то Михалковых, отрезал: "Убьют - не жалко". И я этому архивариусу съязвил: "Вот видишь, Иван Грозный о моих предках хоть что-то сказал, а твой сгинул бесследно". Теперь этот герб на печатке имеют и мои дети.

В этом месте беседы я хотел было резко сменить тему и расспросить взятого любвеобильного супермена о том или ином лирическом приключении его жизни, о жене-красавице Наталье Аринбасаровой или о Ширли Маклейн, голливудской актрисе, которая, как я слышал, оставила о годовом сожительстве с Андроном язвительные воспоминания. Особенно мне запомнились пассажи о том, как наследник старинного рода печется о своем здоровье. Когда Маклейн впервые пригласила его к себе в гости, он пришел... с кроссовками под мышкой. Андрон, как пишет актриса, ни на секунду не сомневался в двух вещах: что он останется у Ширли на всю ночь и что утром непременно совершит традиционную пробежку. Ширли вспоминает, как Кончаловский бесился, если она выкуривала хотя бы одну сигарету, как он с маниакальным упорством заставлял ее чистить зубы при помощи водяной зубочистки.

Я подумал обо всем этом, но спрашивать не решился. Да и время поджимало. Поинтересовался лишь:

- А как, Андрон Сергеевич, насчет возможности новой любви? Или остепенения, ушли в семью, в воспоминания?

- Как же без любви? Без нее нет жизни. Что такое старость? Это всего лишь отсутствие энергии. Энергия - это и творчество, и любовь. Человек, способный влюбиться в любом возрасте, - это совсем другой человек. Он и думает, и творит по-другому.

30 минут заканчивались. Литагентша Юлия уже постукивала по часам, мол, закрутитесь, и я задал последний вопрос.

- Как вы вновь оказались в Москве, цель приезда? На презентацию фильма брата?

- Нет, возникло несколько поводов: день рождения моей дочки Лены, которой исполняется шесть лет, день рождения отца, которому стукнет 86, выход моей книги, творческие замыслы, связанные с театром, ну и премьера фильма Никиты Сергеевича. Все эти события я должен уместить в три недели.

Феликс Медведев

30
МИНУТ
С

МИХАЛКОВЫМ- КОНЧАЛОВСКИМ

нату, обуютенную огромными диванами и креслами, плюхаюся в мягкие плюши, вынимаю диктофон, кладу на стол. Которую-то очень давно, быть может, лет двадцать тому назад, беря интервью у вашего отца Сергея Владимировича, я спросил его, какими методами он добился поразительных успехов в воспитании своих сыновей.

И Сергей Владимирович тогда ответил: "А я их не воспитывал. Они сами воспитались". Ответ мне показался неожиданным, и я хочу спросить теперь уже вас: "И впрямь мимо вашей души и сердца прошли педагогические премудрости отца - тогдашнего президента аж самой Академии педагогических наук?"

- Мало ли что говорится. Важен результат. Воспитание, конечно, было,

всем житейски нравственным понятиям вы стали другим человеком. Как вы воспринимаете сегодня Сергея Михалкова, вашего отца - долго и верно служившего режимам, системе, строю, обласканного кремлевскими хозяевами жизни?

- Он служил в системе. А пока живешь в системе, в какой-то степени ей и служишь. Из системы можно вывалиться, можно с ней бороться, можно ей служить. Он был в ней, поэтому высоко-официально был признан, обласкан. Он был любимцем народа, детей, его любило начальство. Его любил Сталин. Но прежде всего отец был хорошим поэтом. Да, он проповедовал официальную идеологию, но с этим ничего не подлаешь. Он стоял в одном ряду с другими служителями системы: Горьким, Толстым, Фадеевым, Леоновым...

- У вас не было желания встретиться со Сталиным?

одного - Феллини, Курасава, Бергмана. Я их и впрямь боготворил. Они очень на меня повлияли.

- А кем был для вас Андрей Тарковский? Ведь вы знали с детства. Кстати, не ощущал ли вами трагизм его творчества, его судьбы?

- Нет, Богом он не был. Мы знали с ним по-домашнему, по-своему. Его трагизм раздувался. Особенно когда он уехал, когда скончался. Да, он поведаль о моментах отчаяния в дневниках, в письмах... Но какой трагизм, когда мы с ним гуляли, пили, играли, так сказать, на полях у Господа? У него были свои законы, свой характер, свои причуды. Мы с ним расставались, мы с ним ругались, сталкивались творчески. Человеком он был сильным и нежным одновременно. Но он окружил себя людьми, которые оберегали его от внешнего мира. И это ему мешало. Он перестал понимать, что же он на самом деле, у него возникло ложное впечатление о самом себе. А это плохо. Так что тра-

- А что у вас за кольцо на руке? Подарок любимой женщины?

- Не угадали, это наш михалковский родовой герб. Золотая печатка. Я сделал ее лет десять тому назад.

- Вы гордитесь древним отцовским родом? Ведь Михалковым, наверное, уже полтыщи лет.

- Революция не делит сознание одного человека или сознание масс, толпы. Сначала я не знал, кто я, кто такие Михалковы. Потом, когда узнал, стал бояться. Как боялись тогда голубых корней многие. Потом мне стало жутко интересно, а потом я уже гордился древним отцовским родом. Но к тому времени я уже уехал за границу. Лет десять назад отец объявил об истории своей фамилии, заикал генеалогическое древо. Но нынче-то я понимаю, что дворян российских как собак нерезанных. Другое дело, половина из них уехала из России. Для меня же бояре Михалки - это дикие люди с бородами. Один писатель, такой злорадный по натуре, мне как-то заявил: "Я выхопал одну фразу про твой род. Будто бы Иван

Мир новостей - 1999 - 13 марта - с. 29